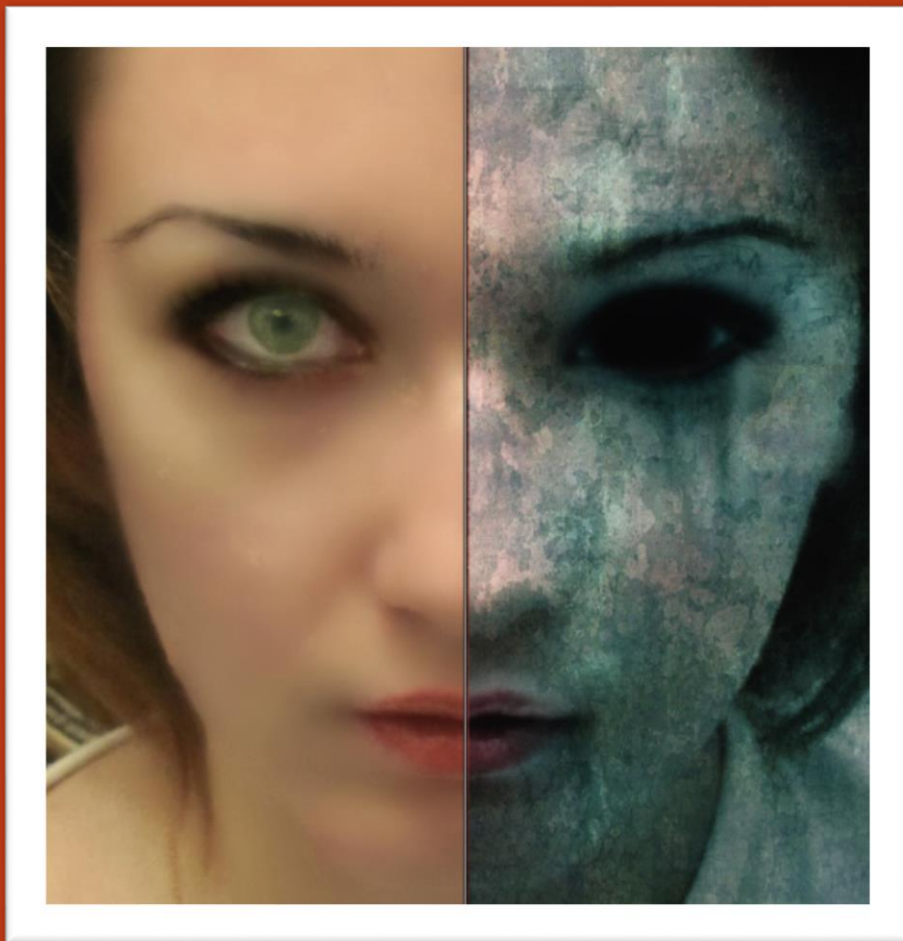

м а р и н а
л е в а н д о в и ч

п о б е г и з
а в г у с т а
в
о к т я б р ь

в 30 лет она бросила мужа, детей
и уехала жить на моря.
взяв с собою свою неизменную тень
и любимый комплектик белья.
отключив телефон. даже выбросив вон,
накупила новых вещей.
предлагал ей хорошие фрукты Арон,
но она предпочла овощей.
в самом центре курортного города N
лучший номер. лучший отель.
чтоб задобрить свою неизменную тень,
заказала вкусный коктейль.
а под вечер пошла танцевать и пила
только кофе и молоко.
И хотя она целую ночь не спала,
Просыпаться было легко.
где-то плакали дети и мучился муж,
все трезвоня то к маме, то в морг.
а наутро Арон ей принес спелых груш,
и она их скрошила в пирог.
чуть ванили, корицы в пушистый бисквит -
спелых груш неземной аромат.
а ночами танцует. и снова не спит,
Покупает латте, шоколад.
А сегодня ей стукнуло 72,
И смакуя чуть терпким «Merlot»
Улыбается, вспомнив как в красном боа
Покидала рутины кубло.

*

хочу хоть раз, чтоб волосы за плечи,
вот накрутить бы их на бигуди.
в кудрявых и смешных влюбляться легче.
я накручусь - ты в гости приходи.

посмотришь, как веселые кудряшки
играют рыжим отблеском в окне.
я даже не напудрюсь, не накрашусь,
чтоб разглядел ты женщину во мне.

и просидим с тобою так весь вечер,
я не рискну сказать тебе "пора".
хочу хоть раз, чтоб волосы за плечи.
а там уже и можно умирать.

*

стар как мир
стал как мир
для меня.

не уйти.
не отпеть.
не отнять.

только дым
молодым
в добрый путь.

не забыть.
не отбыть.
не уснуть.

по весне
обо мне
вспоминай.

день пройдет
год внушит
месяц май.

и тогда
в путь-грозу
птиц полет.

и никто
ничего
не поймет.

*

Солнце упало в кувшин,
А пить из него нелепо.
Значит, ты стал большим.
Отрезал кусок неба,
И сыр – от луны кусок,
И соли – самую малость.
И звездная пыль - сквозь пальцы песок –
Это рассыпалась старость.

*

*Не тот твой друг,
Что враг твоим врагам.
Не тот твой враг,
Что сжег твой отчий дом.
Он, может, как умел – так помогал.
Разрушил твой засаленный Содом.
И ты вдохнул всей грудью, наконец,
Из заточений вышел, словно раб.
И враг тебе теперь почти отец,
И брат.*

*

*Как хорошо стихи писать:
Придумал песню – пой.
Придумал танец – и плясать,
Как в омут с головой.
Захочешь птицу – нарисуй
В излюбленных тонах.
Такой вот ты себе плясун
В распоротых штанах.*

*

Как заебался ослик всех возить.
И начал дрессировщику дерзить.
А дрессировщик «бах» его кнутом.
Работай, ослик, поддержишь потом.
Но ослик задержил
до изнеможения,
Остановив все в городе движение.
И дрессировщик ослику сказал:
«Зря ты дерзишь. Уж лучше б ты дерзал».
Вздохнул осел и принялся дерзать.
Не в силах слова матного сказать.

*

*Хорошо быть Мариной Цветаевой.
Обложить бы себя цветами.
Заболеть бы страстными бабами грешными,
Стройными, жгучими, нежными.*

*Не чета всем ахматовским party.
Так ебаться – здоровья не хватит.*

*

*У Ахматовой был нос большой.
Обмотать бы этот нос лапшой.
Вот тогда б примчался Гумилев,
Матюков бы насулил-наплел:
«Вы мне тут жену мою не трожьте,
Брал то я ее не блядью, а хорошей».*
(по мотивам стих-я Олега Григорьева)

*

*В моем стакане капучино.
В твоём – какая-то бурда.
Откуда ты такой мужчина?
Ворвался в жизнь мою когда?
Да, я рассеяна не в меру,
Да, я, бывает, без очков.
Но отдаю отчет себе я,
Выписывая мужичков.
Мне попадается то ухарь,
то самый редкостный мудак.
А ты откуда, вислоухий,
ко мне когда попал и как?
Ты для меня уж слишком ценный,
Такая роскошь мне вредит.
Ану-ка, дай проверю ценник.
Хм. Странно. Дважды не пробит.*

*

*кот лизнул душистый зефир.
закипела в миске вода.
я пишу о тебе стихи,
что любил тебя никогда.*

*бросил в миску огромный пельмень,
одиноким такой, как я.
что-то снова писать мне лень,
как любил тебя нихуя.*

*Вот кофе взяла в буфете,
Сажу и пью в раздевалке.
Кто-то мечтает о лете,
А кто-то о бабе-давалке.*

*А я себе пью кофе,
и плавленный ем сырок.
не весело мне и не плохо,
приду, испеку пирог.*

*В газетах снова убили
Какую-то бабку с клюкой.
А мой бисквитик с ванилью,
впервые пышный такой.*

*

Хорошо быть некрасивой.
Брови не щипать.
В платишке дурацком синем
Можно рассекать.
В кабаки ходить
спокойно,
пить себе вино.
Не подкатит со знакомством
всякое говно.
Не бояться старость
в виде
тоненьких морщин.
Не таить в себе обиду
На чужих мужчин.
Мол, не любят, не бросают
колоритных жен.
От волос коротких сальных
Мир не раздражен.
Хорошо неоковырной-
проще кошельку.
И в постель не надо прыгать
ночью к мужику.
Не насилуешь искусство,
ходишь в ряд мясной.
Там всегда так пахнет вкусно,
салом и весной.

*

*А где-то в Индии сейчас
Сидит какой-то йог.
И размышляет о вещах,
Чтоб обновить свой блог.*

*Ах что-бы что-бы написать
В уютненький жж?
И вторят йогу голоса:
"Да ты заёб уже"*

*

напишу я хит про кита.
плывет, мол, по морю кит.
написала, и вот - хуита.
причем, худшая из хуит.

напишу я хит про кота.
и хит получился hot.
стоило букву сменить и вот так
у хита поменялся ход.

*

вот моя кровать. и на ней лежат,
целых восемь мертвых, хилых медвежат.
вот мой стул покоцанный. вот мой книжный шкаф.
вот мой кот. единственный, к кому лежит душа.
вот мой странный город. для кого-то крут.
все живые, яркие из него бегут.
остаются только лицемеры, подлецы.
есть поэты мертвые, а так, в целом - певцы.

*

*тусклый город довел до депрессии,
что не улица - сущий Содом.
каждый третий мечтает повеситься.
каждый первый бросает свой дом.*

*люди в тучных одеждах похожие,
очень редко смывают свой грим.
все вторые всего лишь прохожие,
я себя отношу ко вторым.*

*

*женщины с грубыми скулами
бросались в тебя стульями.
растворяли тебя в кислоте и моче,
обзывали тебя "ничей".*

*женщины с острыми скулками
были все проститутками.
кормили собак, раздавали котят,
врали тебе, что "хотят".*

*женщины с бледным лицом
называли тебя подлецом.
поили тебя своей кровью на ужин,
всегда говорили "нужен".*

*любили тебя и румяные.
пекли тебе пряники мятные.
из ревности били их хрупкими стульями
женщины с грубыми скулами.*

торговец кричит мне "арбузы, сладкие дыни",
и мальчик веселый мне в кофе добавит мед.
когда-то хотелось сдыхать по весне молодыми,
но было обидно, что кто-то не так поймет.
теперь уже как-то спокойно в твоём Багдаде.
в моем же кругу расходятся по воде.
и песни веселые снова запело радио,
но сердце клокочет, мне кажется, быть беде.
я шлю тебе письма, их голубь несет под крышу
и падает наземь, строкой отравив мой сад.
мне страшно представить, что я тебя больше
совсем никогда не увижу.
мне было бы больно узнать, что ты этому рад.
янтарная дыня в тарелке моей скучает.
медовые зерна как бусы лежат вокруг.
и мальчик веселый мне письма приносит к чаю.
в которых я все называю тебя "мой друг".

*

как убогому мир не мил,
так и сытому все ни в масть.
стало сложно теперь с людьми,
целясь, в "яблочко" не попасть.
то ли с одури сбить прицел,
и отдачей сразить плечо.
и спасибо сказать, что цел,
от души попросить "еще".
и раздать себя за гроши,
чем дешевле, тем горячей,
не спеши только, не спеши,
будь дороже, чем будь ничей.
не исследуй чужих вершин,
все равно не сойдешь со дна.
это проще - лететь к чужим,
если сроду своих не знал.

*

живут же люди в мрачных городах,
хватает сил позировать для фото.
и на моря не ездить никогда,
морям мешает дом, семья, работа.
бумажный капитал хранить в чулке,
ходить с опаской в магазин "Продукты".
и врать, что жизнь промчалась налегке,
и жить, чтоб раз в сезон позволить фрукты.

- а море где?
- а море где-то там.
и не ходи за мамой по пятам.

малыш на пухлых ножках подползет
к подставке с белой ялтинской ракушкой,
прошепчет "ууу" и воды всех озер
как волны зашумят ему на ушко.
а мама вырвет чудеса из рук,
поставит выше на четыре роста.
но снится малышу волшебный звук.
забыть морской прибой не так-то просто.

*

*и день - не день. и ночь - как поздний ужин.
усилием берется в руки нож.
сегодня ты еще кому-то нужен,
а завтра за ненужными уйдешь.
и будешь там хлебать свою перловку,
черпая ил, постигнешь верх и дно.
и скажешь всем, что пишешь песни ловко,
да только вот про смерть и про говно.*

*ты стоишь у себя под прицелом,
закусив от всей дури губу.
хорошо быть убитым и целым,
чтоб лежать безупречным в гробу.
приготовил изящную позу,
обративши себя к небесам.
потому что красивым быть можно,
лишь когда в себя выстрелишь сам.
точно знаешь, как выиграть ракурс,
примеряешься в угол виска.
вот и все. был назойливый август,
гробовая такая тоска.*

погода и температура по высшему цельсию.
в ладони комок не то соли, не то огня.
по городу тянется траурная процессия.
и каждый идущий представил: "несут меня".
закрыла глаза, не глядя прошла по улице,
оркестр похоронный срывался на ноте "ми".
я чувствую - город искренне мной любуется,
уставший жалеть и плевать в поток людьми.
на серой скамейке с веткой играют Барсики,
украшена площадь листьями, словно холст.
кого-то сегодня бездушно затерли ластиком,
но в городе стало светлей на одну из звезд.

*

*Мне бы сегодня - завтра.
Вместо похмелья – завтрак.
Вместо тебя – другую.
Вместо другой, такую,
Чтобы была без прошлых.
Чтобы любила кошек.
Чтобы носила гольфы.
Мне бы тебя. И только.*

*

*В «Кильках» - вода с глазами,
Мясо протухло...мерзость.
папа подарит маме
в праздник Восьмого – трезвость.*

*

Мышка в кошку. Понарошку.
На дорожку посошок.
Под нелепую обложку
Матом стелется стишок.
В старой бабке. В дряхлой рыбке.
В прохудевшем башмаке
Тетка смерть хранит открытки,
Словно деньги в кошельке.
Под обложку понарошку
Прячут голых и больных.
Кошка в шкаф, а мышка в кошку.
А лиса – на воротник.

*

*А мне хотелось спать и замуж.
А вы ни то и не другое.*

*

*Просто забыться, сесть на ступеньки,
С видом на нефоров из Могилянки.
Худеньким рокершам гладить коленки,
Зная, как скудно живут лесбиянки.*

*

*Ушел по лестнице. Читал стихи. Грустил.
Жевал несвежий хлеб. Кусался*

*

*Когда мне скучно – я люблю людей.
они бывают иногда забавны.
Еще люблю немного лошадей,
и лесбиянок в контр-культурных барах.*

*

*Дешевенькая гостиница,
Мороженое и устрицы.
А девочка из провинции
Очень легко целуется.
Принцесса дождется принца,
который подарит солнце.
А девочка из провинции
очень легко отдается.*

*и смысл моей жизни свернулся в покладистый бублик,
а перья моих голубей воскресают на радуге.
мне пишет письмо один и тот же снусмумрик
и мне одиночество больше не кажется каторгой.*

*

*Заложница бижутерии, очень броского
Наряда,
как-будто барышня из Китая,
Могла бы ты стать любимейшей бабой Бродского,
Да, ты такая.*

*Меня ломало. Наливала молча.
Пила вздох. Руками ела хлеб.
Ты знаешь, это кто-то просто хочет,
Чтоб выпал снег.*

*

доста́ну блестящую майку из прошлого,
остренькие каблуки.
была я когда-то хорошею.
любили меня мужики.
водили меня круг да около,
и морды товкли за меня.
а я все ресницами хлопала,
уставшая им изменять.
а как бы хотелось по-прежнему
Московский проспект совращать.
за сиськи мои даже брови Брежнева
были готовы прощать.
с бокалом сухого игристого
шла с поднятою головой.
и постать Богдана Хмельницкого
махала мне булавою.
теперь я на кухоньке в фартуке
заправку тушу для борща.
а если б найти ту блестящую майку
пошла б блядовать хоть щас.

*

*Хорошо убежать из города,
Хорошо возвращаться в город.
Умирать в нищете от голода,
Принимая любовь за голод.
Хорошо быть птенцом излюбленным,
Из гнезда не бывать изжитым.
Хорошо, если просто люди
Просто знают, как просто жить.*

он принес мне ромашки с жучками,
на свидание в сказочный лес.
на пеньке я сидела в печали.
муравей мне под шорты залез.
напоил меня соком березы,
накормил сервелатом с руки.
вдруг ударили летние грозы,
или к счастью, или вопреки.
он накрыл меня ветками ели,
утеплил разнообразью мха.
вызвал "город-такси" и уехал,
и оставил меня подыхать.

*

*мне не страшно, что нас разделяют с тобой
километры.*

*я и к ним, если надо, найду в захолустье ключи.
даже если исчезнешь, я буду чувствовать, где ты.
даже если ты выполнишь миссию и замолчишь.*

*мне не сложно порвать даже самые крепкие узы,
даже цепи, которыми небо меня бережет.
без тебя я ничто. а вокруг - генетический мусор,
я как будто тебя родила и расходится шов.*

*пусть твой бог сам решает, кто нужен тебе, а кто
мимо,
раз ты с богом теперь самый главный распил
брудершафт.
и пока ты там молишься, будучи сам пилигримом,
я пытаюсь привыкнуть искусственной жизнью
дышать.*

*только ночью с тобою встречаюсь, и все бы как
прежде,
но на утро от сна остается седая зола.
я спешу в царство сна как безумная, в лучшей одежде.
если б не было ночи - я б солнце собой взорвала.*

*помолись за меня, чтобы я не давила на жалость,
чтоб зажил наконец-то мой колото-резаный шов.
мне тебя не заменит никто, как бы я не старалась.
но я делаю вид, что все правильно и хорошо.*

*и когда этот ебанный мир заведет все сначала,
механизмы запустит с нуля в запасном в пункте Б.
мы увидимся снова, я знаю, ведь я обещала,
я всегда исполняла все то, что хотелось тебе.*

разведенная женщина как не храбрится,
как не делает вид,
все равно на фото - подбитая птица,
болеет, вернее, болит.

активизируйся, фотосъемка,
десять кадров подряд.
для бывшего надо выглядеть емко
(подружки так говорят).

вот я с цветочками (жизнь сложилась),
вот я с ребенком в столице.
пусть бывший муж напрягает жилы,
пусть не естся ему, не спится.

вот я на даче, а вот с пирогами
у нас, на уютном балконе.
харахорится стройными чудо-ногами,
но глядишь - непрокрашены корни.

разведенная женщина вмиг расцветает
в маниакальном задоре.
вот опять тыща фоток на даче с цветами,
а в июле поедem на море.

а вот оно море - сто фоток в сети,
и музейные домики-башенки.
"Я живу без тебя, - кричит, - посмотри!"
а корни опять не прокрашены.

но однажды она уgomонится,
нарвет душистой сирени,
и замрет, как хромая подбитая птица,
обнимет себя за колени.

*

забери его от меня,
не хочу ничего менять.
я из памяти все сотру,
увози его по утрам.

уводи его по росе.
будьте прокляты здесь вы все.
я останусь с другим, спасусь.
не мешай мне молить, Иисус.

время лечит. не ем. дышу.
письма стопками ей пишу.
отправляю себе сама.
я, наверно, сошла с ума.

время лечит бездушных баб.
я с душою. я божий раб.
прокаженной в огне лежу,
письма рваные нахожу:

"береги его, береги.
две руки его, две ноги.
очертанья его лица,
береги его, подлеца".

*

И праздника никакого будто бы не было,
Но закат развернул облака апельсиновым цветом.
Стая умерших нынче душ улетаёт в серое небо,
Вернется сюда лебедями таким же холодным летом.
Лоскотарки с прозрачными лицами воду несут в ковше.
И тоскливо и радостно мне на душе.

Вот она - эта гора: ладонь навыворот.
Скупой покров младенческой головы.
Садись у костра, и жди, пока черти тебя выберут,
А потом увлекут за собою в канавы и рвы.
Потерчата в нежных пальчиках перебирают
Горицвета стебли и синие звезды льна.
Я сижу у огня и воды, будто меж адом и раем.
Засевает дурман, колышется белена.

Рыбаки не боятся воды, а рыба боится за их души.
Сама поскорее цепляется на крючок.
Лоскотарки сначала щекочут, потом любовью своей
задушат.
Попадешься в сети, ветренный дурачок.

Вот красавица русая облокотилась на лодки край,
Заглянула парню кудрявенькому в глаза:
"А Страшный Суд скоро, хлопці? А чи бывает ад і рай?"
Смеются хлопці, не ведая, что сказать.
- Скоро, скоро, - хрипит пожилой, - а ты дева чи не
татарка?
Хохочет да забавляется лоскотарка.
- Хлопці, а хлопці? Чи носять діти вечерю своим
хрещеним?
Чи ходять в гості под світлоє Рождество?
Чи стелять на Троїцю пол полином зеленим?
Чи ставлять паску багату на пасхальний прибраный
стол?"
- Ставят, ставят, - хрипит пожилой. А лоскотарочка в
слезы:

- так потопіться ж ви, кляті, а щоб вас взяла волна!".

А у хлопцев кресты на сей случай:

- Хрестіться, хлопці, пока не поздно!

- А хто це? Невже лоскотарка?

- Да втож. Вона.

Травы падают в цвет густо зеленый,
Замирает лес, предвкушая рождение нового месяца.
Сегодня утопленицы молодые - Настасии да Алены.

А одна даже попыталась вчера повеситься.

Ксения - золотая копна волос освещает вечер.

Колечко на пальчике нищее, но обручальное.

Носик острый, да тонкие хрупкие плечи.

А жених обещался, да не пришел на венчание.

Утопла в светлую теплую горе-ночку.

На тебе, Ксения, ленту да новенькую сорочку.

Вода расходится кольцами синими, хоть вечереет, а
видно.

Запоеет свою горькую песню птица ночная.

И я уйду, наконец-то, босая, на самое-самое дно.

Теперь не Марина я, а лоскотарка речная.

Примите меня, красавицы-девицы,

Да поделитесь бусами.

А я вам таких потом принесу, что вы ахните от
восторга.

Улыбаюсь им, а самой чуточку грустно.

Не поймешь, у кого ты - у Дьявола в хате или у Бога.

На рассвете найдут мои туфли и алый платочек,

И остатки в песке тлеющего костра.

Мне теперь хорошо. У меня тут теперь сто сестер и
с десятков дочек,

А я всему миру теперь и мать, и сестра.

И жена, и любовница; ветка ольхи, стебелек дурмана;

Всем рыбакам порочный живой маяк.

Я душа всего мира, сквозная болючая рана,

Как бы ты не хотел, я теперь насильно твоя.

чтобы гореть - надо себя сжечь изначально.
тогда и другие погреваются от твоего огня.
возвращаюсь домой, на плиту ставлю сонный чайник,
возвращаюсь домой, где нету давно меня.
есть какая-то женщина, в чем-то она одета,
о чем-то она задумалась, в чем-то всегда права.
закрывает окно занавесками черными летом,
по зиме на треть закатывает рукава.
где-то она бывала, куда-то она ходила,
книг у нее полным-полно. антоновка пахнет в корзине.
а кто она и зачем - давно позабыла.
типичная ретроградная амнезия.

*

*завела себе дневник - чистенькие листики,
извела на карандаш тоненькие веточки.
и настолько укрепилась в личной похуистике,
что оставила в живых все поля и клеточки.*

выйду из дома - несчастье в кроссовках,
пешком пошагаю в центр.
а хочется быть бесконечно высокой,
и к зрению чтобы процент.
а боженька мне кулаком из-за тучи
грозит, аж горит трава:
"куда тебе росту, дурная ты сучка,
с твоими 172".

*

чем ближе смерть - тем взгляд орлиный глубже.
черты лица как раны ножевые.
и все вдруг вспомнят, что с тобою дружат,
хотя давно, по сути, раздружили.
чем ближе к моргу грузовик нелепый,
тем радостнее очи санитаря.
а родственники ждут котлет и хлеба.
их там стоит приличная отара.
чем ближе чернозем - тем червь быстрее
свой ротик к светлой трапезе мостырит.
и атеисты в мир загробный верят,
чтоб только поскорей котлету стырить.
а ты лежишь - с красивыми чертами
лица, воды с которого испить бы.
и батюшка как с бодуна читает
какие-то тюремные молитвы.
заколотили гроб. спустили в яму,
для поминаний наняли три зала.
забыла чмокнуть в лоб родная мама,
такси для близких в гендель заказала.

*

Замелькали в глазах огоньки,
Растворились мухи в пространстве.
Мне нужны четыре руки,
Чтоб от мух этих закрываться.
Пролетят надо мною днем,
И кошмары потом вночи.
И никто не подойдет,
Хоть кричи, хоть не кричи.
Руки и ноги пляшут отдельно,
Снится мне или я правда
Бухая пляшу на балу у чертей,
И безумно этому рада?
В висках после бала стучит барабан,
Голова словно винная бочка.
Я каждую ночь у чертей на рогах,
Как паскудная чертова дочка.
Я стала бояться ночей, как огня,
И мух золотые россыпи.
Я поняла, черти воруют меня,
Чтоб затанцевать меня до смерти.

*

Город выпится зимой.
Просит не мешать.
В небо с золотой каймой
Улетит душа.
Навестит ушедших в рай,
Не обидев ад.
Тех, кто переступит край,
Заберет назад.
Души падают стремглав
В снежную пыльцу.
Город снова крылья дал
Каждому птенцу.

*

*Дурацкий автобус наелся людьми.
Побробуй-ка ты его, друг, откорми!
Все мало и мало. Все топчет в нутро.
Уж лучше достану жетон на метро.
Но поезд-обжора такой же лихач.
Телами набитый, объелся, хоть плачь.
А если невкусное просится в рот,
Он кровью с кишками на рельсы блюет.*

*

*Побег из августа в октябрь
я совершила налегке:
листок, согнутый по краям,
живая бабочка в руке.
Домой вернулась, как чума,
и с переломанным плечом.
А дальше, помнится, зима.
Писала много. Ни о чем.*

*

Коту поглажу шерстку
на входе у вокзала.
Холодный город – Шостка,
Вот все, что б я сказала.
А мальчик у прилавка,
Ах до чего ж красив,
Сказал мне «В Шостке сладко».
И бублик откусил.
Еврей на лавке жесткой
Царапает стеклом:
«Кошерный город – Шостка.
И мой ему Шалом».
Влюбленная кокотка
Рыдает у окна:
«Предатель – город Шостка!
Опять я здесь одна!».
Бабуля с сумкой в клетку
Ругается с другой:
«Я в Шостку эту, Верка,
Отныне не ногой».
А бомж почухал вошей,
Набрал щебенки горстку
И дал пизды хорошей
Всем, кто не любит Шостку.

*

*Что тебе, друг, рассказать?
Как болят от букв глаза?
А буквы все о тебе да о том,
Как жить без тебя потом.
(как стать пушистым котом)*

*

*Дети играют в классики,
Бросают камнем в зеро.
А самому щуплому Васе
Камнем разбили лоб.
И стало понятно всем изначально,
Что Вася-то лох печальный.*

*

*Куплю на вокзале булку с корицей,
Выкурю ретро- «Pall Mall».
Я хочу быть маленькой юркой птицей,
Чтоб меня никто не поймал.
И чтоб к людям я тоже не привыкала,
Любила б от лета до лета.
Куплю в городской столовке какао
И мармелад разноцветный.*

*Есть у тебя две руки, есть две ноги,
А ты все: «Господи, боженька, помоги».
А у того одна рука, и нога одна,
И вопит он: «Зачем взял, господи, нахрена?».
А у кого-то две руки, а ноги ни одной.
И молится он: «Да кто же пойдет за мной?».
А у кого две ноги, а рук не видать – тот кричит в
бреду:
«Кого ж я, господи, за собой поведу?».
А тот, кто лежит в земле, у того все есть.
И бог спокоен. И небу благая весть.*

*Мне не грустно, но мне и не весело.
Я бы, может, взяла и повесилась.
Но шею б веревка натерла сильно.
Лежала б в гробу некрасивой.
Потому я купила себе сарафан,
И в погоду летнюю теплую
Пошла на речку, а там взяла
И бессовестно в нем утопла.
И было всем грустно, а весело только мне.
До сих пор смешно, вспоминая себя на дне.*

*На часах 19:00. За окном 19:05.
Октябрь спешит. Умоляет
За руку с ним погулять.
Надену рыжую куртку,
Затяну бежевый шарф.
Встречу знакомую проститутку,
поговорим по душам.*

*Полюбишь мужика – а он толстеет.
Разлюбишь мужика – а он худеет.
Отдашься мужику – а он хует.
Убила бы, да жалко мужика.*

*

У маленькой Милы рак. Случилось такое.
Не дал поиграться боженька куклой Таней.
Мила рисует рака левой рукою,
Пытается разукрасить двумя руками.
Такого красивого нарисовала Мила,
Что глаз от рисунка просто не отвести.
Она его даже конфетами покормила.
Насыпала на рисунок аж две горсти.
Бумага вдруг распрямилась, зажалась струнки,
И рак покраснел от горя и от стыда.
Стал красным, сварился у Милы на этом рисунке,
И больше его мы не видели никогда.

*

*Я покидаю город. Падает желтый лист.
Хочется кофе посмертно и табака.
На удивление громко молчит таксист,
Зеркало смотрит в серые облака.
Лиственный лес мелькает, а вот и ель,
Хвойные дебри ухожены и стройны.
Я покидаю дом, о котором мне
Воспоминания более не нужны.
Есть у меня свой светлый, с большим замком.
В нем я сама себе разолью моря.
Пахнет дорога терпким сухим дымком.
Башня встречает как моряка маяк.*

*Как хорошо, что ты остался в прошлом.
И не приехал. И не обещал.
Вот видишь, я же верю, ты хороший.
ведь я же знаю толк в таких вещах.
А то бы поздоровались, обнялись,
и горбились бы словно старики.
Свиданки – унижительная жалость,
Протягивают сразу две руки.
А при разлуке будто не знакомы,
но хлопают по хрупкому плечу.
Как хорошо, что ты остался дома.
Я честно встречи больше не хочу.*

*

*А мы уже не те, и все вокруг не то.
А надо ли?
Мы словно акробаты в шапито
С веревок падали.
И чем, туда взбираясь, дураки,
Мы думали.
А впрочем, все равно б чуть-чуть пожили,
И умерли.
И не жалея.*

Солнце лезет в москитную сетку,
Затыкаю пальцем квадратики.
Мама пьет голубые таблетки,
Значит мне не подарят братика.
Маме даю два апельсина
Запрещаю много курить.
Говорю: «Рожай, он будет красивым,
Я буду его любить».

*

Сколько сил на себя потратила,
А толку-то, сколько толку?
Снова лежу в холодной кровати,
Давит в башку заколка.
Ночью все те же кошмары и встряски,
Снова стучит в висках.
Черти устроили блядо-пляску
В моих шерстяных носках.
Однажды не вытерплю, выпью яд,
Упаду под стол обессилено.
У кота в зрачках отражаюсь я,
Только сильная и красивая.
Ах, котик, залезь мне в башку, сейчас же,
Умойся моими слезами.
Стук в висках замени хрустальным мурчанием,
Смотри своими глазами.

*

О чем я с птицей говорю?
О тишине лесов.
Встречаю алую зарю
Без золотых часов.
Мне вороненок на плече
Не страшен, хоть и слеп.
Ему не интересен червь,
Ему вкуснее хлеб.
Я вылечу ему глаза
Без медицинских дел,
Ведь я могу так рассказать,
Чтоб он на все глядел.
Вот мост хрустальный, вот огонь,
Как гривы львиной жар.
И вороненок на ладонь
Ко мне перебежал.

*

То ли город по мне тосковал
То ли я тосковала по городу.
Но вышла из дома – была жара.
Уехала – стало холодно.
Приехала в город спустя три часа,
С мокрыми волосами.
Город слезами меня встречал,
Просил, чтоб его не бросала.
Зашла в квартиру, поставила чайник,
Согрела горячего кофе.
«Прости, я уехала чисто случайно,
Мне было сегодня плохо».
И город включил фонари. И вдруг,
замер на четверть века.
И я гуляла, не встретив вокруг
Ни единого человека.

*

*Мне на кладбище так хорошо и спокойно,
Что плачется от души.
До чего ж толерантно покойник
Свою миссию вдруг завершил.
Не пугает меня, руки к небу не тянет,
Не стонет, как брачная самка.
Только дерево пошелестит ветвями,
Дерево с лучшей осанкой.*

*

Ты однажды придешь и попросишь любить,
Мол никто не любил так, как я.
А над нами кружат то кресты, то столбы,
В лихорадке совсем не понять.
Ты попросишь любви, словно путник-чужак
Обессилен, попросит руки.
Мне так страшно прощеньем тебя унижать,
Отрекись от меня, отрекись.
Я совру. Чтобы стало спокойней душе
Притворюсь, что рассталась с тоской:
И скажу: «Я б любила, да нечем уже.
Сердце стало как камень морской».

*

*В Шостке дома-высотки.
Маленькая Припять.
Хочется 300 водки
Сразу с размаху выпить.
Занюхать рукав пахучий
Надушенный «Little Black Dress».
Развести над собою серые тучи,
На платье купить отрез.
И в платье этом вернуться домой
В свой старый заебанный Глухов.
И скажет мне с горечью город мой:
«С возвращением, потаскуха».*

*

бабу снова фоткает рука,
и зарплату на вино транжирит.
баба разлюбила мужика,
потому что стал он очень жирным.

на боках три складки, что за черт?
как такого выведешь под руку?
женщина слезами вся течет,
и сверлит раскаяньем подругу:

вот они: пельмени, беляши,
вот она - двуярусная пицца.
а подруга шепчет: "Не спеши!
не спеши, Алена, разводится.

с тощим тоже, знаешь, жизнь не мед.
слишком уж дотошный и коварный.
а толстяк всегда тебя поймет.
если похвалить - борща наварит.

с ним пельменей можно налепить,
все же не говно из магазина.
а разлюбит жрать - полюбит пить,
думай головой, - сказала Зина.

*

*К тридцати уже все проходит: любовь и голод,
Скулы резче, сарказм острее, глаза пусты.
Этот мальчик был очень нужен, пока был молод,
А теперь для харизмы нужен второй костыль.
Мужики стареют, а я просто стала старше,
С мужиками скучно, их юмор убог и плоск.
Мне бы бабу. И то, чтоб готовила мне вкусняшки,
А для секса бог дал нам, бабам, красивый мозг.*

*

Осень пахнет вчерашней булкой.
В кофе плавится карамель.
Я люблю это хмурое утро,
парк крошит золотистый мел.
Наберу этих листьев конфетных,
Раскрошатся, как леденцы.
Хорошо, что закончилось лето,
И уехал бродячий цирк.

*

*пусть спрячется красное солнце в небесный футляр.
пусть ударят морозы и выпадет белая ртуть.
я тебе подарю самый свежий стихов экземпляр.
сохрани навсегда. спрячь подальше. а лучше - забудь.*

*

*я забытая песня той дамы в красивой блузке,
что прокуренным голосом блеет по кабакам.
я хожу ее пение слушать. Ее французский,
только нищим понятен, убогим и дуракам.*

*

*и откуда мне взять хоть убогий огрызок веры,
если даже твой бог убеждает меня "не верь"?
даже пение птиц уже действует мне на нервы,
потому что они не поют о тебе теперь.*

*

успокоится сердце не скоро. а может и вовсе
никогда не утихнет. а может взорвется во мне.
больше страшных болезней боюсь рыжеватую осень.
режет душу тоска. корчит рожи старуха в окне.
я забьюсь в дальний угол, укроюсь табачным туманом,
выедает глаза этот дымный и мрачный уют.
и улыбку чужую примерю, пройду перед мамой,
сделав вид, будто птицы в душе моей звонко поют.
я чужая себе, не нагреются руки и ноги.
будто мир познаю по ту сторону ваших границ.
ты мне только пиши. я прошу, мне сдается, немного.
оживи моих чахлых, голодных, рассеянных птиц.
я не рада вечернему ветру, ночному покою,
и тревога стучится быстрее, чем утренний луч.
без тебя я по жизни хожу голодранцем-изгоем,
в небесах гиацинтовых птицей, оставившей ключ.
и упавшей в асфальт, вечно сонным машинам мешая.
пережив свою осень по-своему, пусть впопыхах.
мне так страшно, что я для тебя бесконечно чужая.
но стучит мое сердце в твоих безнадежных руках.
ты его сохрани. если будет когда-нибудь туго,
если будет казаться, что жизнь потеряла весну,
я пройду сквозь десятки зеркал и спасу от недуга.
и в него огонек дополнительной жизни вдохну.

*

мне солнце без тебя - убогое пятно.
от пуговицы желтая частица.
я черной тряпкой застелю окно,
пускай оно к другим теперь стучится.
мне окна - словно лезвие ножа
по пальцам тонким до глубокой раны.
раз ты не хочешь больше приезжать,
я больше ждать в окне тебя не стану.
я ненавижу день и суету.
мне тошно от рассветов бесполезных.
хрустальный червь скрутился на свету,
и солнечным лучом сквозь щели лезет.
мне мрак милее, ближе тишина.
а то что зябнут руки ледяные -
плевать на них. ведь я же не одна.
нашелся тот, кто вяжет шерстяные
им рукавицы. сладкую пыльцу
на лицемерных губках собирая.
весь мед тебе достался, подлецу.
а мне - одно хождение по краю.
однажды я весь мрак в себя втяну,
и разломлюсь на мелкие частицы.
когда увидишь черную луну,
мой милый, не забудь перекреститься.

*

*Ненавижу этот город. Будь он проклят.
Каждой улицей его наизлом.
пусть меня в нем низачто не хоронят.
и не вспомнят где вообще был мой дом.
Пусть не чудится он мне и не снится,
колыбель моя стоит на ножах.
пусть меня положат в сердце столицы,
чтобы ты ко мне быстрее приезжал.*

Время безжалостно, нет молодильных яблок, живой
воды,
Астральных потоков волна не несет в реальность.
Ты только собрался в театр, а время уже забило ряды,
И первым смотрит изысканной смерти танец.
У времени все по плану. И на тебя есть особый счет.
Платить по счетам - удел твоего времени.
Пока ты плюешься в черта, который уселся тебе на
плечо,
Ангел уже спускается на колени.
И будь ты святой угодник или преступник, убогий плут
-
Ты всегда сверяешь свой прожитый миг с часами:
Не умирают живые из прошлого, вечно рядом идут,
Но жаль, что мы для них не воскресаем.

*

из окна вид на лысую гору. очень достойный вид.
в полной луне по ночам один и тот же младенец вопит.
просит младенец пить.

русалки тянут к нему два ковша - добрая их душа.
умывают его, спасают от жара. трогают потный лоб.
а одна не пришла. фактически убежала.
из воды напрямиком
в гроб.

черти беснуют, щекочут промежность бородкой дее
ночей.
а один стоит неприкаянно. здесь и при жизни - навеки
ничей.
не видать бы его очей.

вот он расправил брови, как крылья, город окутала
тьма.
не смотри на него, закрывай окно, не лишайся остатка
ума.
не его ли ты где-то встречала? в Мариинском парке?
была зима.

я готова уплыть русалкой, готова припасть к чужим
берегам,
выносить по ночам Вальпургиевым разрывающий шум
и гам.

и мне все равно, кто тебя приручал - Дьявол, Шут или
Бог,
лишь бы желтые лилии каждую ночь оставлять у
твоих ног.

*

в городе пахнет свежей ссаниной,
хлебом и молоком.
оба вокзала - ж/д и автобусный - новопреставленны
тут.
в тесных гробах возвышается труп
над
проводником,
семеро ждут одного, а потом
и всех остальных подождут.

ты выбираешься в люди с котомкой и с бесом одним на
плече,
ангел останется дома, наварит какой-то
убогой
лапши.
ты так хотел убежать, что продумал побег за
двенадцать ночей,
семеро ждут одного, так что ты успокойся
и не спеши.

вот и вокзалы. пропащее место для тех, у кого ничего.
если что есть - все равно проебется в дороге, тоже
учти.
в поезд садишься - Онегин, побрит, разодет -
развеселый щегол,
а возвращаешься в саже, как из печи.

проколесил, промотался, забил на себя, разломался и
сник,
щурится ласковый доктор и точит ножи.
хорошо бы потом удобрять собою
сахарный сладкий тростник,
и не ради работы, а так,
ради души.

солнце давно разломалось на дырки - сырная горе-

башка,
нищих дразнить да испытывать прыткость цыган.
стратишь - господь покатает тебя на тоненьких
ремешках,
и не даст себя погладить по острым рогам.

*

нет ничего реального. нет ничего вообще.
даже не углубляешься в суть вещей.
просто идешь по городу, как по дну.
бог тебя любит, но не тебя одну.
хочется выжать времени терпкий сок,
волосы рыжие выплести в колосок,
и убежать на чертовом колесе напрямик в ад.
здравствуй, боженька.
вижу, ты мне не рад.
все перепутано - кони с людьми, а люди со мной.
сны мои накрывает огнем, волной.
ты не буди меня, я заслужила уют.
похорони меня там, где и ночью и днем русалки поют.

*

прожил - словно глянул в форточку и ослеп.
туман пеленал созвездие "черный бык".
пришел человек, а вынести соль и хлеб
забыли. ну что ж, бывает. работа, быт.
прошел человек - и славно. ушел - вообще
слегчало. кому-то подавну все равно.
соседи играют в создателей овощей,
хоть сами уже негодны и под вино.
кого-то хоронят с музыкой, под оркестр,
а кто-то на свадьбе пляшет под дятла стук.
сидит человек. ему предложили сесть.
а кто-то упал. ему не хватило рук.
кому-то хотелось славы - пришла тоска.
а кто тишины желал - закрутил вертеп.
и даже поэт, взбравшийся в облака,
прожил - словно глянул в форточку и ослеп.
вот нищий трубач, обнаруженный подо льдом,
устал умирать по нотам, как по часам.
ему без оркестра выроют новый дом,
а там уже на казенных сыграет сам.

*

Йосиф Бродский- Бутербродский.
Сделал с маслом бутерброд.
Тут приходит Хармс уродский,
Нагло в пасть себе кладет:
Стул, кровать и книжный шкаф.
Даже съел у Йоси штраф
За его безделие.
И схемы рукоделия.
И придя к Введенскому,
Скатерть съел, наглец.
«Ах ты ж йобанный ты нахуй,
Помешал писать «Потец».

*

*там, где живет любовь,
там и смерть ошивается рядом.
откроешь глаза и не видно
мира.
зайди за поля.*

*в этот мир надо нести с собой
коробочку с мармеладом
коробочку с кокаином
и коробочку для нихуя.*

*Живу как будто невзначай,
И смысла не видать.
Куплю в киоске вкусный чай,
Чтоб рифму оправдать.
Лимон, цукаты, бергамот -
Запью свою тоску.
И заберу остатки в гроб,
Под гробову доску.
Соседа сразу угощу,
Лежащего в углу.
А там раздобрюсь - отыщу
Зефир и пастилу.*

*

Спился фельдшер Антон.
Спился фельдшер Денис.
И ты, сопьешься, Артем.
В деревне скатишься вниз.
Вылечишь срачку и корь,
подлечишь бабке ногУ.
А после сопьешься, Артем,
и скажешь: "устал, не могу".

*

*Ты хочешь в Глухове Макдональдс?
А я хочу в селе киоск.
Шоб там картины продавались:
Хилько, Дега, Копейкин, Босх.*

*Как устала от этой ебни,
Сил уже ни в ногах, ни в руках.
где бы мужа найти без родни,
Чтоб не быдло и не мудака.
огороды, компоты, рагу,
Кабачковая, сука, икра,
Слышать это уже не могу.
Но терплю еще это пока.*

*

*что такое провинциальная тоска?
это когда сломалась стиральная доска.
Это когда ебешь свою Магдалину за сараем хаты,
Целуешь соски, а они волохаты.*

*Мальчик хуевый с хуевым лицом
идет в зоопарк с нихуевым отцом.
Отца в зоопарке толпа окружила
и даже слониха себя предложила.
У мальчика падает самооценка.
Зато дали скидку – 15 процентов.*

*

сколько еще предстоит - а хуй уже не стоит.
и баба моя на скаку остановит только кота.
спешил заработать бабла, прошляпил мгновенье
любви.
и ноги пришил мне господь, чтоб я не сподобил
летать.
хочется пить майонез и сдохнуть от жирных кислот.
цепень в мясе подцепить. и гепатит всех видов.
кто мне любить запретит - тот из страны уебет
трескать заморских лящей, пасть иностранных коров.
я наломаю сирень, в землю цветами втыкну.
дыню куплю у армян и разобью об асфальт.
я медиатор сердец. я озадачил струну.
вырвал из тела шашлык и научился летать.

*

*можно возлюбить ближнего,
можно позабыть дальнего,
а я без белья нижнего
жду его, виртуального*

*

*слесарь Веревкин голубя выгнал за угол аптеки,
воспитательной речи основы завел, деловито глядя
наверх:*

*«Негоже птице срать на рабочего
человека!*

а если и срать, то хотя бы, блядь, не при всех»

*и когда догорит моя последняя кость
в удобной печи киевского крематория,
выпей вина и сорви мне рябины горсть,
вспомни мои ахуительные истории.
придуманные от неверия находу,
забытые в кулуарных шкапулках мебели.
вспомни все то, что было - и смысл, и дурь,
и отправь меня прахом в густое синее небо.
я выпадущу снегом в маленьких городах.
а в самом любимом - цыганским дождем горячим.
вспоминай меня, друг, хоть изредка, иногда.
дождь - не слезы.
мы, знаешь, в небе почти не плачем.*

Теплый свитер – такая роскошь,
Если ты задубел на кость.
В магазине согреться просишь,
На согрев в магазине спрос.
Даже пес, притворившись «чейным»,
И породистым, и без блох,
Просочился в отдел с печеньем,
Кошку Соню застав врасплох.

*

*Мне было жаль, когда ты разучился
Писать мне: «Здравствуй. Как твои дела».
Зашла в буфет. Купила чай и чипсы.
И как всегда тот чай не допила.
Мне просто так спокойнее, за чаем.
И весело, когда от чипсов хруст.
Я видимо, по-своему скучаю,
Такой уж у тоски особый вкус.*

*

*Крылатый жираф мне приснился вчера.
Куда он летел – не пойму.
У них там, конечно, такая жара,
Что, видимо, жарко ему.*

*Трепещет он крыльями, словно орел -
Пятнистая птица в огне.
Я даже забыл, что будильник завел.
Лежу, улыбаюсь во сне.*

*

*Всегда приятней умножать на ноль,
Когда на выдох проситься душа.
Не помогает крепкий алкоголь.
Сознанию не хочется мешать.*

*Пускай идет все так, как ты просил,
Когда хотел закрыться. Быть в тени.
Бывает, что совсем не стало сил,
И ангел твой устал тебя хранить.*

*Но ничего. Разденься, отлежись.
Включи обогреватель и кино.
И не вини во всем «такую жизнь».
«Такую жизнь» не каждому дано.*

*Кого-то точно так покинул дух,
И стало утро серым и седым.
а ты... тебе бы жить еще за двух.
Пока еще доступно - молодым.*

*

Оторву от тетради целый кусок.
Напишу тебе два письмеца:
Что у нас здесь давно не заводят часов,
Дети солнца не видят отца.
Дети неба не могут поднять головы,
Не пылают дети огня.
Не растут в чистом поле дети травы,
Все заботы легли на меня.
И не плачут дети дождей. Их влекут
балерины. Пуанты. Корсет.
Силуэтики легкие лягут в строку,
И в стихах оживает балет.

Глухов
2015
(с) levandovich

